Э. ВАРТАНЬЯН
ЭТИ
МУДРЕНЫЕ
СЛОВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

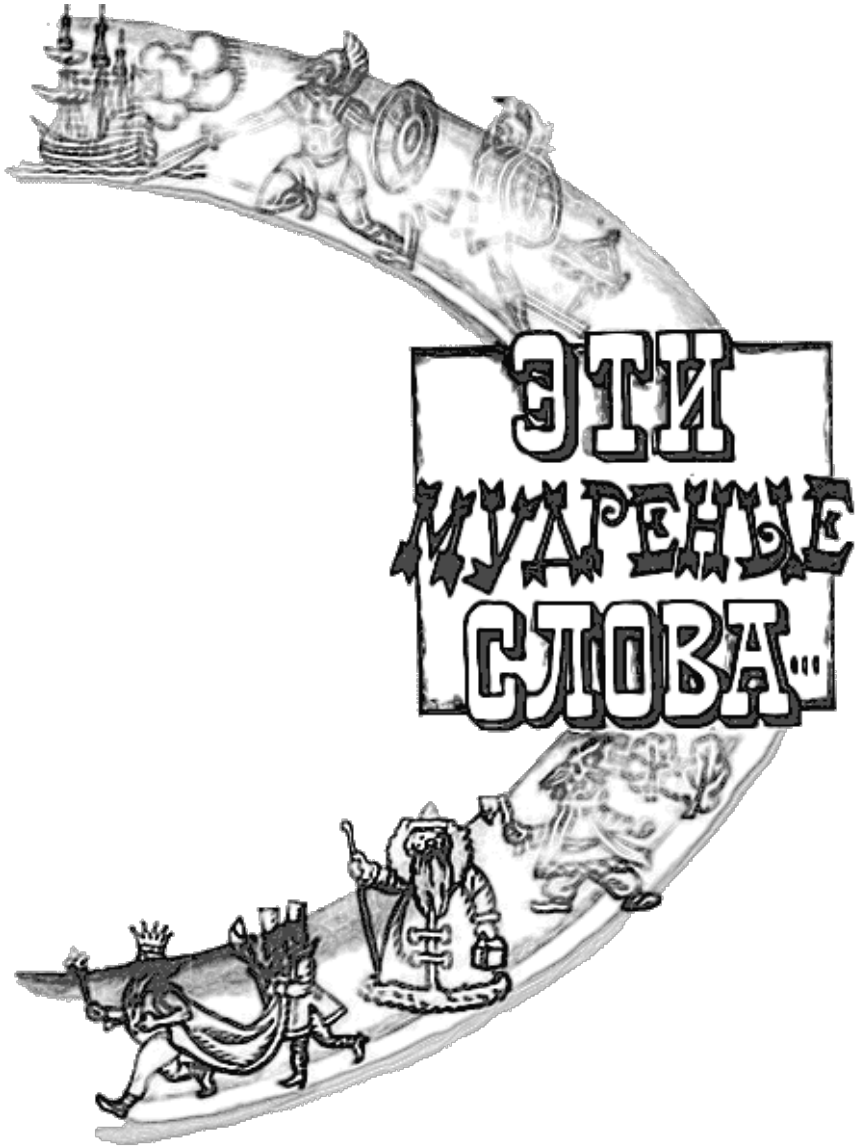
SHOUT
SHARE
IT

Annotation

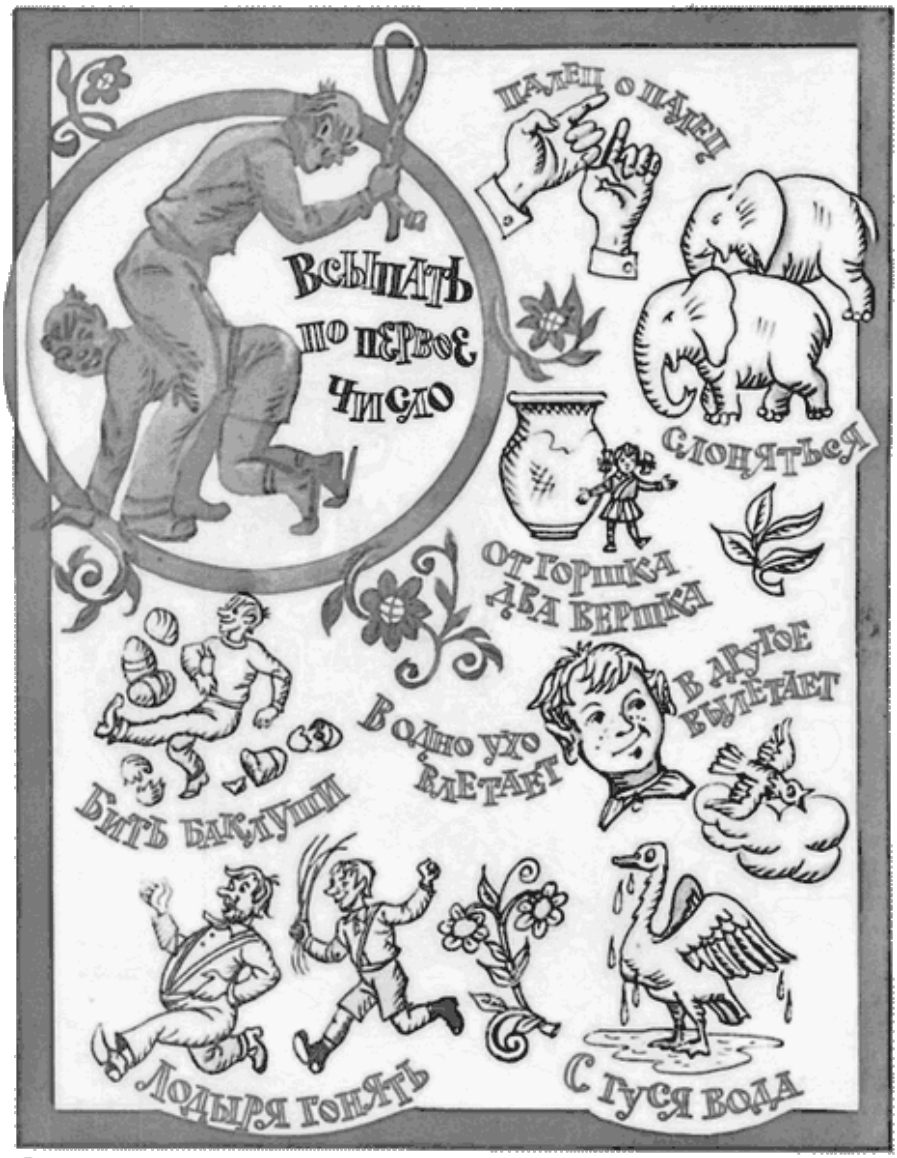
Рассказы о происхождении некоторых слов и выражений. Например таких выражений: «А Васька слушает да ест», «Слона-то я и не приметил», «Зарыть талант в землю», «Зубы на полку» и т. д.

Рисунки Ю. Смольникова.

- ЭТИ МУДРЕНЫЕ СЛОВА
  -
- notes
  - 1
  - 2


ЭТИ
МУДРЕНЫЕ
СЛОВА...

ЭТИ МУДРЕНЫЕ СЛОВА



И мы, взрослые, были когда-то малышами, играли в классики, гоняли мяч, нянчили кукол.

В каждом дворе, в каждой компании водились свои атаманы и задиры. Не обходилось без плакс и капризуль. Не все мы радовали сердца родителей хорошими отметками, не всегда помогали взрослым в домашних хлопотах.

В разное время и по разным поводам нас то хвалили и баловали, то бранили и наказывали.

И отзывались о нас по-разному. Чего и как только не говорили о своих и соседских детях наши мамы и папы, дедушки и бабушки. Одни раздавали характеристики, как подзатыльники, коротко и ясно: *лентяй, озорник, негодник.* Другие… О, другие выражались куда замысловатей.

Мой самый близкий друг, Шурик, любил, оказывается, *считать ворон, слонять слоны, бить баклуши* и *гонять лодыря.* Дома он, как о том были наслышаны все в квартале, *палец о палец не ударял,* чтобы помочь бабушке. Как его только ни корили вернувшиеся с работы родители, как ни выговаривали, а ему все нипочем. В один из вечеров мы, приятели Шурика, услышали, что на его месте мы давно бы *от стыда сквозь землю провалились* и что мучили бы нас угрызения совести. А этому что ни толкуй — *в одно ухо влетает, в другое вылетает.* И таким он, оказывается, был и когда *от горшка два вершка* да *под стол пешком ходил,* и теперь, вымахавши с *коломенскую версту.* Все с него *как с гуся вода* и *об стенку горох.*

— Нет, мать, — заключил однажды отец, — я больше не намерен *бросать слова на ветер* и *сидеть сложа руки.*

И он потянулся за ремнем на стене, чтобы Шурику *всыпать по первое число, задать баню, снять с него стружку* и, в конце концов, *показать кузькину мать,* а заодно и *где раки зимуют*…

По правде говоря, дело редко доходило до ремня — его отец был добрейшей души человек. Но эти выражения, порою занятные и смешные, порою приводящие в трепет, зачаровывали нас своей колдовской непостижимостью. Стоило только повторить их, закрыть глаза — и воображение рисовало нам самые фантастические картины.

Ну, к примеру, приведет отец Шурика во двор мать Кузьки. Ну покажет ее нам, что дальше? Съест она Шурика, что ли? Страшна на вид? Подумаешь, нашли чем пугать. Если что — и убежать можно. А потом Кузьке Чуркину наподдать. Пусть лучше со своей мамой дома сидит. И насчет раков тоже — как это в такую жару зимовать? Зимуют-то они зимой, а до нее еще далеко. А уж когда зазимуют, они и клешней не двинут — спят ведь. Значит, тоже не очень боязно. Но вот когда будут снимать стружку… Да, тут уж твое дело плохо, друг. И Шурик в моем воображении превращался в этакое бревно, которое укладывали на верстак, а его отец, надев фартук, брал рубанок и… О, бедный Шурик!

Когда мы немножко повзрослели, учительница кое-что нам разъяснила. Так, мы узнали, что Кузька Чуркин был ни при чем, его мама тоже. Просто есть в русском языке очень много выражений, которые употребляют совсем в другом смысле, чем

вначале кажется. То есть люди говорят одно, а разумеют другое. Это «двусмысленные» фразы. Один смысл у них прямой, другой — иносказательный, переносный.

— Кто их выдумывает?

— Как разобраться, где какой смысл?

— А может, лучше обходиться без них?

* * *

Ну что же. Давайте разбираться, что это за хитрость такая — двусмысленные выражения или, как их еще образно называют, фразеологические обороты. Как, где и почему они появляются.

И начну я, пожалуй, с одной невыдуманной истории, которую назову так: «Не поискать ли Хомку?»

Принес я как-то домой хомячка. В зоомагазине купил. Дети обрадовались. Прижился у нас, членом семьи стал. Дали ему имя — Хомка. Кликнешь его — бежит, рыжим комком перекатывается. А потом станет на задние лапки, передние к грудке прижмет — и служит, лакомства ждет. В общем, занятный, шустрый зверек, с ним не соскучишься.

Но вот однажды пришли домой, а Хомки нашего нет. Кличем, во все уголки заглядываем — нет, и все тут.

Объявили мы всеквартирный розыск. Начали поиски с кухни. Сдвинули с места холодильник. Пыли много, а Хомки нет.

— Виталька, — командую я, — тащи веник. А ты, Леночка, мокрую тряпку.

Навели за холодильником порядок. Взялись за кухонный шкаф. И за ним нет Хомки.

Затем перешли в прихожую, в одну комнату, другую. Так «попутно» прибрали всю квартиру, а хомячка не нашли. Его принесли нам вечером соседи. Они подобрали его на лестничной клетке — больно далеко утром вышел нас провожать.

С того дня и вошло в нашу семейную речь непонятное для других выражение: *«Не поискать ли Хомку?»* Это значило: не пора ли приступать к генеральной уборке квартиры?

Вот вам частичный ответ на первый вопрос. Такое иносказательное выражение появилось в одной семье. Возникло оно из маленького происшествия с маленьким зверьком. И смысл слов «не поискать ли Хомку?» остался бы вам непонятным, если бы я не рассказал эту историю.

Когда я был ваших лет, в Краснодар, город, где я родился, приехали борцы. Выступали они в цирке, и увидеть их схватки было пределом мечтаний детворы. Среди силачей выделялся темнокожий борец с могучими мускулами. Звали его непривычным именем — Бамбула. И когда он проводил с противником свои хитроумные приемы, а затем припечатывал его лопатками к ковру, по цирку неслось оглушительное: «Бамбула! Бамбула!»

Переполненные восхитительным зрелищем могучей силы, ловкости и мастерства, мы выходили из цирка грудью вперед, широко расставив руки — держать их как обычно нам не позволяли воображаемые бицепсы. Ведь каждый из нас был в те минуты легендарным Бамбулой! Вот в те годы в мальчишечьей среде и родилось шутливое выражение: *«Борец Бамбула выжимает два стула».* Так мы насмешливо говорили о ком-нибудь из наших сверстников, которому не по силенкам пришлось немудрящее дело.

Сейчас уже трудно сказать, возникли ли эти слова в нашем городе или вместе со славой атлета перелетели к нам из других мест. Между тем, помнится, слыхивал я это выражение в среде краснодарских ребят и через десятки лет. Но ни мои дети москвичи, ни их приятели ни о каком Бамбуле не слышали. Выходит, поговорка оказалась недолговечной. Была, произносилась — и нет ее уже, исчезла.

Но вот вы читаете «Сказку о рыбаке и рыбке». Написал ее великий поэт Александр Сергеевич Пушкин. Злая жадная старуха просит у золотой рыбки новое корыто взамен разбитого, потом новую избу. Исполняя прихоти завистливой женщины, рыбка превращает ее в дворянку. А старуха знай себе требует: «Хочу быть вольною царицей!» Заделалась она вольною царицей, живет во дворце, прислуживают ей самые знатные царедворцы. Вскоре ей и этого показалось мало. Повелела царица-старуха несчастному старику передать рыбке, что хочет стать морской владычицей и чтобы ей сама золотая рыбка прислуживала.

Разгневалась рыбка.

Воротился старик от нее —

Глядь: опять перед ним землянка;
На пороге сидит его старуха,

А пред нею разбитое корыто.

Эту сказку читали, пересказывали другим многие поколения людей. Она была очень понятной: кто чрезмерно многого хочет, может потерять и то, что имеет, а то и вовсе остаться ни с чем.

И снова «хитрость». Под влиянием сказки стали говорить: *оказаться у разбитого корыта, вернуться к разбитому корыту.*

Но слова эти относились уже не к сказочной старухе, а к любому, кто вернулся к своему жалкому положению чаще всего по своей вине. Выражение стало образным, иносказательным, фигуральным.

Знакома ли вам сказка Ганса Христиана Андерсена «Новое платье короля»? Два плута взялись соткать для короля тончайшую материю, а затем сшить из нее платье. Ткань эта, как уверяли мошенники, волшебная. Ее могут видеть лишь умные люди, достойные своей высокой должности. Вскоре ткачи принесли королю свою работу — «ничто», пустоту вместо ткани.

Однако король и все окружающие громко восхищались изяществом наряда — ведь иначе они бы прослыли за дураков. Так было до тех пор, пока король, сопровождаемый свитой, не отправился гулять нагишом по городу. Один мальчишка, который не подозревал, в чем тут дело, захохотал и закричал: «А король-то голый!»

Так, с легкой руки знаменитого датского сказочника, пошла гулять по свету крылатая фраза *голый король*. Ее стали употреблять в тех случаях, когда вдруг обнаруживается, что достоинства какого-либо человека оказались мнимыми, качества — показными, авторитет — незаслуженным.

В «Золотом теленке» И. Ильфа и Е. Петрова некто Скумбриевич сердится на привереду, не желающего получать в учреждении «Геркулес» зарплату за безделье.

«Вот, действительно, склочная натура! — негодует он… — К нему надо применить репрессии. Я как-нибудь скажу Полыхаеву. Тот его живо в б_у_т_ы_л_к_у з_а_г_о_н_и_т».[1]

Странное выражение, не правда ли? Неужто его выдумали эти два веселых писателя? Ничуть не бывало. Просто они использовали уже давно употребляемые слова, пришедшие из

арабского сборника сказок «Тысяча и одна ночь». Имя их сочинителя неизвестно, но когда их перевели на русский язык, многим запомнилась «Сказка о рыбаке».

Бедный рыбак много раз вытягивал из моря сети пустыми. Наконец он выловил медный, запечатанный свинцом кувшин. На свинце была оттиснута печать великого волшебника — царя Сулеймана. Вырезанное на ней таинственное и страшное слово давало чародею великую власть над злыми духами — джиннами.

С испуганным рыбаком случилось то, что позднее приключилось с вашим другом Волькой ибн Алешей из книги

писателя Лагина «Старик Хоттабыч». Едва он откупорил сосуд, как оттуда вырвалась с превеликим шумом и свистом струя дыма. Дым вознесся до облаков и превратился в гигантского джинна, которого некогда за строптивость и ослушание разгневанный волшебник заключил в медный сосуд — *загнал в бутылку*. Подобное обращение со злыми духами было, если верить легендам, свойственно этому царю: он наказывал упрямцев именно таким способом. Теперь вам понятно, откуда пришло на уста Скумбриевичу это странное выражение, которое он употребил в смысле: успокоить, призвать к порядку, заставить смириться.

* * *

Значит, *зарубим себе на носу* вот что: двусмысленные выражения могут приходить к нам и из сказок — написаны они русскими писателями или иностранными или созданы безвестными сочинителями. И не только из сказок. Очень много словосочетаний возникло из басен, песен, рассказов, романов, различных театральных пьес и киносценариев.

Как-то раз знаменитый баснописец Иван Андреевич Крылов пришел в один дом, где собирались поэты читать друг другу свои стихи. Слушал Крылов, слушал, утомился даже от их скучных и нудных стихов. А вскоре написал басню, в которой высмеял этих бездарных стихоплетов. Вы ее знаете. Называется она «Демьянова уха». Демьян назойливо потчует своего соседа Фоку ухой. Поначалу тому елось в охотку, а потом он почувствовал сытость, затем пресыщенность, после же очередной «добавки» — отвращение. И несчастный сосед,

Схватя в охапку
Кушак и шапку,

Скорей без памяти домой —
И с той поры к Демьяну ни ногой.

В конце басни Крылов вывел мораль:

Писатель, счастлив ты, коль дар прямой имеешь;
Но если помолчать во время не умеешь
И ближнего ушей ты не жалеешь, —
Так ведай, что твои и проза и стихи
Тошнее будут всем Демьяновой ухи.

Повод, по которому была написана басня, забылся. Но слова *Демьянова уха* мы часто произносим, когда хотим сказать о чьем-либо назойливом приставании пусть с добрыми, но совсем ненужными намерениями.

Если бы вас спросили: а известны ли вам другие иносказательные выражения, дошедшие из басен Крылова? — уверен, вы ответили бы утвердительно. В самом деле, разве не говорим мы: *А Васька слушает, да ест,* имея в виду, что один понапрасну впустую тратит слова на убеждение, а другой, уверенный в безнаказанности, продолжает заниматься постыдным делом? Или: *А ларчик просто открывался* — то есть зачем было мудрить, тогда как все это решается очень легко? Или: *Слона-то я и не приметил?* Смысл этих слов: заметить мелочи, но не увидеть самого главного, существенного.

Из этих же басен вошли в нашу речь такие крылатые слова, как: *Рыльце в пушку, И я его лягнул, Ай, Моська! Знать, она сильна, что лает на Слона! Кто в лес, кто по дрова, Кукушка хвалит Петуха за то, что хвалит он Кукушку, Лебедь, Рак да Щука, Медвежья услуга, Львиная доля,* и тьма других.

Стоп! На этом последнем выражении стоит остановиться подольше. В крыловской басне «Лев на ловле» собака, волк, лиса и лев сообща добывают оленя. Царь зверей берет на себя дележ добычи:

Вот эта часть моя
По договору;
Вот эта мне, как
Льву, принадлежит без спору;
Вот эта мне за то, что всех сильнее я;
А к этой чуть из вас лишь лапу кто протянет,
Тот с места жив не встанет.

Из этой басни, как вы догадались, родилось выражение *Львиная доля* — большая часть чего-либо. Но сейчас разговор о другом. Можно ли сказать, что эти ходкие слова возникли лишь из творчества «дедушки Крылова»? Оказывается, не совсем так. Тема несправедливости сильных и могущественных людей давно занимала мир. Подобные басни встречаются у каждого крупного баснописца. Прославленный француз Жан Лафонтен, живший задолго до Крылова, назвал свою басню: «Телка, Коза и Овца в содружестве со Львом». Сходные басни родились под пером русских писателей Тредиаковского, Сумарокова, Хемницера. Кто же был первый, кто в поэтической форме так замысловато — рисуя зверей, а имея в виду людей — поведал о несправедливости, царящей в свете? Эзоп, древнегреческий баснописец. Было это два с половиной тысячелетия назад. А басню свою он озаглавил так: «Лев, Лисица и Осел».

К слову замечу, что выражения, которые мы то и дело употребляем в разговоре, пришли также из песен, присловий, пословиц и поговорок, сложенных в народе. Вот почему так трудно, а чаще и невозможно определить их творцов. Поэтому их попросту называют народными. Если вам от чего-нибудь досталась очень малая, ничтожная часть (чем вы не персонаж из только что описанной сцены львиного дележа?), вы можете посмеяться над собой: вам остались или вам достались *рожки да ножки.* Это вы повторите слова из давней песенки неизвестного происхождения, которая начинается весело: «Жил-был у бабушки серенький козлик». А кончается печально: «Напали на козлика серые волки, оставили бабушке рожки да ножки».

Бывают все же счастливые исключения: ученым удалось определить автора едкой песни — «Песни про сражение на реке Черной».

В ней высмеивались бездарные планы бездарных генералов. Начиналась она так:

Гладко было на бумаге,
Да забыли про овраги.
А по ним ходить,
А по ним ходить.

Эта песня была откликом на серьезные просчеты русского командования в Крымскую войну 1853–1856 годов. Тогда России пришлось сражаться против четырех держав: Англии, Франции, Турции и Сардинии. На втором месяце обороны Севастополя штаб русской армии разработал план взятия Федюкиных гор. Однако битва закончилась поражением при речке Черной. Несмотря на

беззаветный героизм русских солдат, война была проиграна, в первую очередь, из-за беспорядков в управлении.

Так вот. Уже в наше время установлено, что автором песни был участник обороны Севастополя, артиллерийский офицер, великий русский писатель Лев Николаевич Толстой.

Песня обошла всю Россию. Начальные строки, особенно первая — *Гладко было на бумаге,* стали употребительными. Да и поныне мы говорим так, когда планы, расчеты, казалось бы легко осуществимые, оказываются ошибочными.

Но мы несколько отвлеклись. Пора вспомнить хотя бы несколько крылатых слов, что вошли в нашу речь из других литературных источников, имеющих своего автора.

«— А что, паны? — сказал Тарас, перекликнувшись с куренными. — Есть еще порох в пороховницах? Не ослабела ли козацкая сила? Не гнутся ли козаки?

— Есть еще, батько, порох в пороховницах. Не ослабела еще козацкая сила; еще не гнутся козаки!»

Трижды задает этот вопрос свободолюбивым казакам их военачальник Тарас во время схватки с польскими угнетателями. И даже тогда, когда уже сильно поредели казацкие ряды и многих храбрых воинов лишилось Тарасово войско, неслось ему в ответ:

— Есть еще порох в пороховницах!

Это выражение из повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» стало крылатым и означает: есть еще мужество, энергия, запас

душевных сил.

Лет сто пятьдесят назад Фенимор Купер написал увлекательный роман «Последний из могикан». В нем американский писатель рассказал о героической судьбе последнего представителя благородного племени североамериканских индейцев-могикан, истребленного «бледнолицыми» — европейскими колонизаторами. Теперь словами *Последний из могикан* называют последнего представителя какой-нибудь группы людей.

Есть такое презабавное выражение: *Унтер-офицерская вдова сама себя высекла.* Говорят еще: *Она сама себя высекла* или *Высечь самого себя.* Все они возникли от несколько измененных слов, которыми Городничий оправдывается перед Хлестаковым:

> «Унтер-офицерша налгала вам, будто бы я ее высек; она врет, ей-богу, врет. Она сама себя высекла».

Вряд ли нужно вам подсказывать, что эта сценка — из комедии Н. В. Гоголя «Ревизор».

Так иронически или шутливо говорят о человеке, который, сам того не желая, изобличил себя в дурном поступке, себе же причинил неприятности.

Через несколько лет вы окончите среднюю школу и, возможно, директор или ваш классный руководитель, вручая вам аттестат, назовет его *путевкой в жизнь*. Что под этими словами подразумевали ваши наставники, всем понятно: этот документ удостоверяет, что школа дала вам знания, привила вам навыки, с которыми вам предстоит начать полезную трудовую деятельность.

Такое образное сочетание слов стало распространенным после выхода на экран в 1931 году первого советского звукового художественного фильма «Путевка в жизнь». Он был снят по сценарию Н. Экка и А. Столпера. Кинофильм рассказал о том, как Советская страна, устроив коммуны для детей-беспризорников, воспитала их сознательными и полезными участниками строительства новой жизни.

* * *

Берутся ли еще откуда-нибудь такие меткие слова, образные выражения? Да, есть еще немало мощных речевых потоков,

поставляющих такие «двусмысленные» слова в неоглядное море русской речи. Один из таких источников — религиозные книги, которые в течение сотен лет священники и монахи читали и пересказывали верующим. И в наше время люди, уже начисто забыв о легендах и притчах, то и дело употребляют взятые из них выражения.

Другой — трогательные и порою наивные истории, поверья, мифы, крылатые слова, сложенные в Древней Греции и Риме — центрах античной культуры.

Впрочем, бьюсь об заклад, вы сами, и не раз, «говорили» этими выражениями.

В допотопные времена. Всемирный потоп. Ноев ковчег. Всякой твари по паре.

Вы ждете примеров? Пожалуйста. Не говорите ли вы своему другу, что, забыв завинтить кран, вы залили водой всю кухню, устроили *всемирный потоп.* А между тем это выражение пришло к нам из библейских рассказов. Вот послушайте одну историю:

В стародавних преданиях многих народов упоминается о грандиозной катастрофе, постигшей весь известный тогда мир.

О гибельном наводнении повествуют записи на древнеассирийских глиняных табличках. Отзвуки страшного бедствия донесли до нас индусские, китайские, вавилонские мифы.

Народная память о чудовищном потопе, затейливо смешав действительное событие с вымыслом, отразилась позже в религиозных книгах. И рассказываю я вам об этом потому, что изложенные в них фантастические картины вызвали к жизни выражения, которые вы, повторяю, можете услышать и сегодня.

Осерчав на род людской, бог замыслил покарать смертью всех людей, кроме праведного, благочестивого старца Ноя и его семьи. И счел, что самый верный для этого способ — залить всю Землю водой до самых высоких горных вершин.

Перед тем как затопить Землю и уничтожить все живое, бог повелел Ною соорудить ковчег — что-то вроде огромного сундука. Затем Ной, следуя божественному наставлению, поместил в ковчег семью, а также разных животных, птиц и гадов: по семь пар «чистых» (съедобных) пород и по две пары «нечистых» (тех, что религия запрещала употреблять в пищу). Сорок дней и ночей, не переставая, лили дожди и затопили всю Землю. Все погибло в воде. Спаслись лишь обитатели плавучего ковчега.

От рода Ноя народились после потопа новые люди, а от уцелевших представителей животного мира — новые звери, птицы и гады.

Сказка остается сказкою. Но как бы то ни было, мы и сегодня произносим *до потопа* или в *Допотопные времена,* когда хотим сказать: это было давным-давно, в незапамятные времена. Слышим шутливое *Всемирный потоп* и понимаем, что речь идет о сильном и длительном дожде или о наводнении. Отчетливо улавливаем иронию в словах *Ноев ковчег,* которыми ваш собеседник образно охарактеризовал битком набитое помещение, где собрались всякие случайные люди. Сами, применительно к пестрому и шумному обществу, к разношерстной компании, употребим фразу: «Ну, там собралось *Всякой твари по паре».*

Происхождение трех последних фразеологизмов я сейчас раскрою.

Слово «талант» значит «блестящая способность», это знают все. Но далеко не всем известно, откуда взялось в нашем языке

это слово.

В древности у некоторых народов «талантом» именовалась мера веса, притом — немалая. Один талант серебра равнялся нескольким тысячам рублей. Впоследствии «талант» стал крупной денежной единицей, и его обладатель считался богатым человеком. А еще позже талантом стали называть и способности, одаренность человека. Само выражение *Зарыть талант в землю* впервые встречается в одной древней притче. Некий человек, уезжая в далекие страны, призвал своих рабов и роздал им деньги. Одному он доверил пять талантов, другому — два, третьему — один. По возвращении он справился, как они поступили с этим богатством. Выяснилось, что два первых вложили свои «таланты» в разные дела и обогатились; третий же, из осторожности, зарыл деньги в землю и сохранил их в целости, но без всякой пользы. Хозяин похвалил двух первых, а третьего осудил за неумение использовать имеющиеся возможности.

С тех пор эти слова применяются к каждому человеку, который не развивает свои природные способности, дает им притупиться и заглохнуть.

Из тех же книг дошло и изречение *Не мечите бисера перед свиньями.* Уже там оно представляет собой иносказание: «Не мечите бисера перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими», то есть: не тратьте хороших слов и дел на того, кто не способен их оценить.

В нашей речи выражение стало ходким благодаря комедии Д. Фонвизина «Недоросль». Дьячок Кутейкин смешно рассказывает, как его исключили из духовной школы — семинарии — на том основании, что «писано бо есть: не мечите бисера перед свиньями».

И сейчас мы повторяем эти слова.

Что же касается истории фразеологического оборота *Перековать мечи на орала,* то давайте с самого начала уточним: есть два глагола «орать». Один, более поздний, вам хорошо известен: это — горланить, кричать что есть мочи. Другой, исчезнувший из обихода, означал «пахать». Отсюда «оратай» или «оратель» — «пахарь», «землепашец», а «орало» — общее название орудий для пахоты.

Теперь ясным становится и выражение *Перековать мечи на орала,* не так ли? Этот древний образ — призыв к отказу от распрей и вражды, призыв к мирной созидательной жизни, — встречается еще в библии. Его положил в основу своего стихотворения «Родина» и современник Пушкина поэт Баратынский:

Прилежный мирный плуг, взрывающий бразды,
Почетнее меча.

Крылатости фразеологизма способствовала замечательная скульптура Е. В. Вучетича «Перекуем мечи на орала». Скульптура передана Советской страной в дар Организации Объединенных Наций. Она символизирует устремление народов планеты к миру и разоружению.

* * *

А теперь отправимся в путешествие в античный мир — за

меткими словами, крылатыми выражениями.

Мы говорим: *Муки Прометея,* желая описать бесконечные страдания, говорим: *Прометеев огонь,* когда хотим охарактеризовать дух благородства, мужества и таланта.

Прометей — титан, могучий герой древнегреческих мифов. Охваченный жалостью к людям, которые не знали огня и были беспомощны в борьбе с природой, Прометей выкрал божественное пламя, горевшее в чертогах богов на Олимпе, и передал его смертным. За это верховный бог Зевс осудил титана на страшную казнь: Прометей был прикован к скалам на вершинах Кавказа; каждый день гигантский орел терзал его тело; каждую ночь оно снова заживало для новых мук. Впоследствии другой благородный герой, могучий Геракл, освободил страдальца.

Не удивительно, что о Прометее написано множество прекрасных произведений, а в языках всей Европы появились связанные с ним образные выражения.

Панический страх. Когда родился бог природы Пан, покровитель лесов и их обитателей, мать так ужаснулась его безобразного вида, что бросила ребенка: тот явился на свет рогатым, с копытцами, с расплющенным носом и козлиной бородкой. Едва родившись, он сразу же начал прыгать и хохотать, чем еще больше ужаснул свою родительницу. Но ведь дитя было маленьким богом: оно не погибло, а явилось на Олимп. И боги встретили его с радостью: Пан оказался добродушным, веселым божеством. Он даже изобрел флейту и превосходно на ней играл.

Греки говорили, что имя «Пан», то есть «Все», было ему дано за то, что он доставил радость всем богам. Когда в полдень, под знойным солнцем, утомленный Пан засыпал, засыпала вокруг вся природа, никто не должен был смущать его покой. Если пастух и зверолов слышали в дебрях дикие звуки, смутный шум, чей-то хохот и свист, кто мог там быть, кроме Пана? Бедные люди пугались, испытывали *Панический страх,* и когда их было несколько, даже целая толпа, среди них возникала *паника.* Иные говорили даже, будто грекам удалось разгромить персов у Марафона лишь потому, что в разгар боя на врагов нагнал ужас Великий Пан.

Да, конечно, Пан был самой природой; недаром греки посвящали именно ему свои горы, пещеры, столетние дубы и сосны, а также таинственное животное — черепаху.

Мы все еще помним Пана — плод фантазии древних греков: мы говорим о *панике,* употребляем слова *паникер, паниковать.* А если вы хотите узнать, каким Пан мерещился древним, посмотрите на знаменитую картину художника Врубеля: она так и называется — «Пан».

Лавры пожинать, Лавровый венок, Увенчать лаврами, Почивать на лаврах. Вот сколько различных выражений обязано своим существованием тому скромному дереву, листья которого наши хозяйки преспокойно кладут в кастрюльку «для вкуса»!

У греков был миф: не желая стать женой бога Аполлона, нимфа Дафна, убегая от него, превратилась в лавровое дерево. С тех пор вечнозеленое растение стало деревом Аполлона, бога поэзии и искусств. Ветвями лавра и лавровыми венками стали увенчивать победителей сначала на поэтических и музыкальных, а потом и на спортивных состязаниях. Затем те же почести стали воздавать и за военные подвиги. *Пожинать лавры* стало значить: пользоваться плодами завоеванного успеха, *Почивать на лаврах* — перестать стремиться к дальнейшим успехам, успокоиться на уже достигнутом. Стоит упомянуть, что хорошо каждому известное теперь латинское слово *лауреат* означает: «увенчанный лаврами».

Календами в Древнем Риме называли первый день каждого месяца; каждый такой день объявлялся жрецами. Отсюда возникло и наше современное слово *календарь.* Сами римляне вели свой счет дней по календам: с ними связывались сроки уплаты долгов, выполнения обещаний. А вот жившие во множестве в Риме греки время по календам не считали. Поэтому слова: *До греческих календ ждать* или *откладывать* начали означать: до неведомого срока, до бесконечности.

Двуликий Янус. Был в римской мифологии и такой бог. Правда, сначала он числился древним царем страны латинян Лациума, от всесильного Сатурна получившим дар ясно видеть

все в прошлом и в будущем. Именно за эту двойную способность Януса стали изображать с двумя лицами: молодым, обращенным в будущее, и старым, смотрящим назад, в глубь времен. Потом, как и многие другие герои легенд, он постепенно превратился сам в двуликого бога всякого начала и конца. Возьмите месяц январь; он назван, как первый месяц года, именем Януса: по-римски «януариус». Покровитель воинских начинаний, Янус имел храм, двери которого раскрывались только во время войны; в мирное время они были наглухо закрыты. Но такова была история Рима, что за долгие века ее, до наступления нашей эры, двери эти пришлось закрыть только три раза.

Мы давно забыли о достоинствах бога Януса. Когда мы называем кого-нибудь *Двуликим Янусом,* мы хотим сказать: неискренний, двуличный человек.

У Пушкина в «Евгении Онегине» о прибывшем из-за границы на родину Ленском сказано:

> Своим пенатам возвращенный,
> Владимир Ленский посетил
> Соседа памятник смиренный…

Что значит «пенаты» и почему к ним «возвращаются»?

Древние римляне верили в божков, живших в каждом доме и охранявших его; то были как бы добродушные, милые домовые. Их звали «пенатами», очень почитали, угощали пищей со своего стола, а переселяясь на чужбину, старались увозить с собой их маленькие изображения. Поэтому пенаты стали символом дома, родины. *Вернуться к своим пенатам* значит: возвратиться под родную кровлю.

* * *

Было бы неверным умолчать о том, что хитрые-прехитрые выражения нередко порождались самыми разнообразными суевериями, обычаями, обрядами и приметами. А их было предостаточно в старые времена — и у нашего народа, и в других странах.

Скажем, древние египтяне считали крокодилов носителями божественного зла. Их кормили, к ним обращались с заклинаниями, чтобы усмирить их гнев. Кровожадность и коварство крокодила послужили поводом для удивительных фантазий. Один древнегреческий ученый писал, что крокодил, набрав в рот воды, обливает ею крутые тропинки, по которым

люди и животные спускаются к реке. Как только жертва поскользнется и упадет, крокодил подскакивает к ней и пожирает.

Другие рассказывали, будто чудовище, проглотив туловище человека, почему-то всегда орошает его голову слезами и только тогда заканчивает свое страшное пиршество.

Вот это «лицемерие» крокодилов еще в древности дало повод для возникновения выражения, известного у всех народов. *Крокодиловы слезы* — фальшивые слезы, притворные сожаления.

Ну, а все-таки — льют ли крокодилы слезы? Эту тайну разгадали ученые. Оказалось, что крокодилы и в самом деле плаксивые существа. Но вызвано это не избытком чувств, а избытком… солей. У крокодила для удаления из организма избытка солей развились особые железы, выходящие у самых глаз животного. Заработали эти железы — и крокодил залился горючими солеными слезами.

Выходит, что крокодиловы слезы — это не слезы коварства и лицемерия, да, строго говоря, и не слезы вообще. Тем не менее выражение продолжает жить в языке многих народов. А зачем языку от него отказываться? Плачут ли крокодилы или нет, есть немало людей, льющих притворные, *крокодиловы слезы.*

Астрономия — наука о небе и небесных телах. Не так давно рядом с этой великой наукой существовала (за рубежом существует и сейчас) шарлатанская в своей основе наука — астрология. Астрологи уверяли, будто «судьба» человека зависит от того, «под какой звездой он родился», потому что разные звезды в разное время года и суток поднимаются на небосклон, а

люди родятся тоже в разное время. Составляя гороскопы — особые «волшебные» таблицы расположения звезд на небе и их движения, звездочеты предсказывали события и в жизни людей, и в жизни всего мира. При этом некоторые звезды у них числились «счастливыми», другие — нет.

Отсюда и пошло сочетание слов *Родиться под счастливой звездой* и многие другие образные выражения: *Его звезда взошла* или *закатилась* (то есть «началась» или «кончилась» его слава).

Древние народы представляли себе Землю в виде тела довольно причудливой формы: глубокой тарелки, за краями которой простирался, окружая ее со всех сторон, бесконечный океан. Таким образом, люди полагали, что вполне возможно пройти ее *От края до края.*

Наши представления в области географии стали совсем другими, а в языке по-прежнему живет давно уже отброшенный наукой образ. И, желая сказать: «Где-то очень далеко», мы говорим: *На краю земли,* как будто она осталась для нас такой же тарелкой, какой была в глазах данайцев и троянцев, египтян и вавилонян.

Поистине удивительна и нежданна судьба некоторых словосочетаний! Кое-где в древности после торжественного сожжения тела покойника на погребальном костре «разбирали» его кости. Это делали благоговейно, с великим тщанием. Собранные кости омывали вином и молоком или душистыми маслами, бережно складывали в урны и погребали, восхваляя благие дела усопшего и лучшие черты его характера.

Таков был обычай. Как все обычаи, он нередко исполнялся только для виду: тогда благоговейность «разбирания» и «омывания костей» переходила в нечто прямо противоположное. Так и сложились употребительные сегодня иронические выражения: *Разбирать по косточкам* или *Перемывать косточки,* что значит: зло сплетничать о ком-нибудь, перечислять недостатки человека.

Иногда невинное и постоянно попадающееся в нашей речи сочетание слов говорит нам, если выяснить его происхождение, о таких страшных и жестоких вещах, что становится как-то не по себе. Говоря: *У него на лбу написано,* мы разумеем очень простую вещь: «сразу видно по выражению лица». А происходит это сочетание слов от зверского обычая — и в Древней Греции, и на Руси — клеймить преступников на лице или на лбу раскаленным железом, оставляя на них неизгладимые уродливые знаки. Таким образом, у этих несчастных и на самом деле всегда было «на лбу написано» их горькое прошлое.

От этого варварского обычая пошли многие ходкие

выражения нашего языка: *Заклеймить позором, Запятнанная репутация.* Дело в том, что «пятнать» во многих местах России и значило «клеймить». Даже название знакомой вам ребячьей игры «пятнашки» связано с этим страшноватым словом: догнал и шлепнул рукой — как заклеймил.

В прекрасной книге, которую обязательно нужно прочесть, в «Легенде о Тиле Уленшпигеле», рассказывается, как у доброй голландской женщины родился малютка Тильберт, Тиль Уленшпигель.

> «…Кума Катлина завернула его в теплые пеленки, присмотрелась к его головке и показала на прикрытую пленкой макушку.
>
> — В сорочке родился! — сказала она радостно».

Что за странности? Неужели же есть люди, которые являются на свет «в сорочках», то есть уже в рубашонках? Ведь слово «сорочка» значит «рубашка».

Значит, но не только это. Раньше «сорочками» называли и разные пленки, перепонки — скажем, ту, которая находится под скорлупой яйца.

И вот, оказывается, изредка случается, что новорожденные являются на свет с головками, покрытыми тоненькой пленкой; она затем скоро спадает. Наши предки считали такую пленку счастливой приметой; французы и сейчас зовут ее «шапкой счастья».

Конечно, теперь никто уже всерьез не думает, будто кусочек пленки на головке малыша может сделать его счастливчиком. Но все же о людях удачливых, которым «везет», мы и поныне говорим, улыбаясь: *В сорочке родился!* Ныне это уже не примета, это только поговорка.

* * *

А теперь — презанятнейшая история о происхождении фразеологической цепочки, которая началась с одного суеверного обычая, а кончилась… вот чем она окончилась, вы сейчас узнаете сами.

Лить колокола — пушку лить — пушкарь — брать на пушку — пулю отлить — получите с Пушкина.

Слыхали ли вы шуточные выражения, где упоминается фамилия великого поэта: *За счет Пушкина, А кто за тебя делать* (читать, писать, работать и т. д.) *будет, Пушкин? Пусть Пушкин платит, Получишь с Пушкина?..*

Родословная этих фразеологизмов очень не проста и на первый взгляд кажется даже невероятной.

Чтобы проследить ее, познакомимся сначала с одним обычаем, который сложился на Руси еще в XIV веке.

В те времена отливка колокола была делом сложным, требующим и высокого мастерства, и хитроумных приспособлений, и, как полагали, соблюдения обрядов и учета примет. Тогда-то и вошло в обычай распространять в народе самые нелепые слухи «от сглазу», без чего колоколу хорошо не отлиться, малиново не звенеть.

Прочтите вот этот отрывок из книги бытописателя Вл. Гиляровского «Москва и москвичи», написанную более полувека назад.

> «Колокола льют! Шушукаются по Сухаревке[2] — и тотчас же по всему рынку, а потом и по городу разнесутся нелепые россказни и вранье. И мало того, что чужие повторяют, а каждый сам старается похлеще соврать и обязательно действующее лицо, время и место действия точно обозначить.
>
> — Слышали, утром-то сегодня? Под Каменным мостом кит на мель сел… Народищу там!
>
> … — Сейчас Спасская башня провалилась. Вся! И с часами! Только верхушку видать.
>
> Новичок и в самом деле поверит, а настоящий москвич выслушает и виду не подаст, что вранье, не улыбнется, а сам еще чище что-нибудь прибавит. Такой обычай. Колокол льют!»

Так вслед за поверьем и сами слова *колокол лить* стали

означать: выдумывать невесть что, сказывать небылицы.

«— Ты говоришь, что разбойники на ходулях ходят? Может быть, это *колокол льют»,* — говорит Белотелова Красавиной в комедии А. Н. Островского «Женитьба Баль-заминова».

Занятный обычай слагать небылицы перекочевал со временем в другие отрасли литейного дела. Приступают на заводе к отливке артиллерийских орудий, и город заполняется слухами один неправдоподобнее другого. Это теперь уже мастера пушкарного дела *Пушку льют.*

Ну, а кто это льет пушку? Конечно, пушкарь. Так, *пушкарем* фигурально стали именовать в народе всякого, кто был не прочь напридумать невесть что.

Наладили затем на Руси изготовление свинцовых пуль — и вот пожалуйста: появляется новое выражение *Пули лить,* а смысл, в общем-то, прежний: выдумывать всякую небывальщину. Правда, в значении наметились оттенки: *Лить пули, Пулю отливать* — это не просто врать, а «завираясь, хвастать». «Исторический человек» из «Мертвых душ» Гоголя, Ноздрев, «провретсяся самым жестоким образом, так, что… наконец… самому сделается совестно. И наврет совершенно без всякой нужды: вдруг расскажет, что у него была лошадь какой-нибудь голубой или розовой шерсти и тому подобную чепуху, так что слушающие, наконец, все отходят, произнесши: „Ну, брат, ты, кажется, уж начал *пули лить“».*

Тем временем пополнял свой тайный словарь и воровской мир. Он окрестил «пушкой» личное огнестрельное оружие, и на языке преступников *Брать на пушку* стало означать: вводить в заблуждение, брать на испуг. В этом последнем значении его и употребил В. Маяковский:

У рабкоров
Не робкий норов:
И взять на пушку
Нельзя рабкоров.

Так, «цепная реакция» привела нас постепенно к совсем, казалось бы, необъяснимому иносказанию *Получите с Пушкина.* Это каламбур, построенный на игре переносных значений слов *пушка, пушкарь* и фамилии *Пушкин.*

И пошел гулять в разговоре, на страницах книг шуточный крылатый оборот. В «Двенадцати стульях» Ильфа и Петрова «великий комбинатор» Бендер «выдал мальчику честно заработанный рубль.

— Прибавить надо, — сказал мальчик по-извозчичьи.

— От мертвого осла уши. Получишь у Пушкина».

* * *

История — память человечества, она зафиксировала многое из того, что случилось в мире. И если то были события знаменательные, факты весомые, считайте, что они породили выражения, которые со временем стали образными, как стали образными, крылатыми слова, сказанные некогда государственными деятелями, политиками, учеными, военачальниками.

Греческий царь Пирр в 280 году до нашей эры вел длительную и жестокую войну с Римом. Дважды ему удавалось одержать победы: в его войске имелись боевые слоны, а с ними римляне не умели бороться. Тем не менее вторая победа далась Пирру ценой таких жертв, что, по преданию, он воскликнул после боя: «Еще одна такая победа — и я останусь без войска!»

Война закончилась поражением и отступлением Пирра из Италии. Слова *Пиррова победа* уже очень давно стали обозначением успеха, купленного чрезвычайно дорогой ценой.

В Эфесе, в греческой Малой Азии, «чудом света» слыл замечательный храм богини Артемиды. Храм этот погиб в огне, подожженный неким честолюбцем, по имени Герострат. На суде злодей объяснил, что он хотел во что бы то ни стало прославиться, обессмертить свое имя; за неимением каких-либо особенных талантов он и придумал такой безобразный способ заслужить известность.

Суд сурово поступил с Геростратом: его предали смертной казни, и жителям города было запрещено даже упоминать его имя. Суд хотел, чтобы память о нем изгладилась навеки. Однако один греческий историк нарушил этот запрет: от него последующие поколения узнали о страшном деянии безумца.

Возможно, некоторые скажут: «А что же? Герострат добился-

таки своего!»

Да, добился. Но можно ли позавидовать такой известности? Недаром выражение *Слава Герострата* напоминает вот уже целые тысячелетия о самых черных, самых постыдных поступках людей.

Еще девятилетним мальчуганом Ганнибал Барка, впоследствии выдающийся карфагенский полководец, неутомимый и свирепый враг Древнего Рима, поклялся своему отцу, старому карфагенскому правителю Гамилькару, вечно бороться с Римом, угрожавшим Карфагену.

Он сдержал свою клятву, и много раз судьба Рима висела на волоске. Но в конце концов победа осталась за Римом.

Ганнибал умер в борьбе — отравился, чтобы не попасть в руки врагов.

С той поры *Ганнибаловыми клятвами* люди называют обеты, которые человек дает в юности, намереваясь посвятить благородному делу всю свою жизнь.

В нашей истории известна *Ганнибалова клятва* революционеров Герцена и Огарева, давших в ранней молодости обет всю жизнь бороться с царским режимом в России. Они остались верны своей клятве до конца.

Знаменитое сражение между русскими и полчищами хана Мамая на Куликовом поле (в нынешней Тульской области), разыгравшееся в 1380 году, кончилось разгромом угнетателей русского народа. Видимо, оно произвело огромное впечатление на наших предков: с тех пор слова *Мамаево побоище* стали означать и «страшную драку», и «кровопролитную баталию», и «полный разгром», и «тяжкое поражение».

Ветераны Итальянского, Египетского походов, суровые усачи в высоченных медвежьих шапках, привыкшие насмерть стоять под самым страшным огнем, а на биваке решать не хуже генералов судьбы войны, критиковать штабных стратегов, — такими были солдаты старой гвардии Наполеона, знаменитого французского

полководца. В 1807 году он разделил свои гвардейские части на «старую» и «молодую» части, создав тем самым отборнейшие из отборных войска.

Название *Старая гвардия* скоро приобрело переносное значение. Так стали величать не только в армии, но и повсюду ветеранов любой области человеческой деятельности, самых заслуженных и опытных.

У нас в стране выражение было применено и к заслуженным членам партии большевиков, как только она стала насчитывать за собой долгие годы существования.

А затем так же естественно возникло и представление о *Молодой гвардии* — о новом пополнении партийных рядов, о комсомоле.

Слово «молодая» хорошо выражало понятие о смене; слово «гвардия» говорило о том, что такая смена достойна своих старших товарищей по стойкости, мужеству, преданности ленинским заветам.

Особенно широко распространилось наименование это после того, как в популярную песню с припевом «Мы, молодая гвардия рабочих и крестьян» превратилось известное стихотворение поэта Безыменского, озаглавленное теми же словами.

В дни Великой Отечественной войны *Молодой гвардией* называли свою подпольную организацию герои-комсомольцы Краснодона; позднее роман А. А. Фадеева об их подвигах вложил в давно известные слова новое, героическое содержание…

Завоевав в 390 году до нашей эры гордый Рим, предводитель галлов Бренн наложил на него контрибуцию (военный налог) в тысячу фунтов золота. Римлянам в час расплаты показалось, что гири, принесенные победителями для взвешивания золота, больно тяжелы. Они отказались было платить. Тогда завоеватель, швырнув на чашу весов свой грузный меч, воскликнул: *Горе побежденным!* — и дело было решено.

Множество раз с тех пор повторялись эти жестокие слова в жестоком старом мире; много раз свирепые победители *Бросали меч на чашу весов,* то есть силой заставляли подчиняться их воле.

Во время Пунических войн — борьбы не на жизнь, а на смерть между Карфагеном и Римом — суровый римский сенатор Катон-Старший прославился усвоенной им упрямой привычкой. О чем бы ни говорил он на заседаниях сената — о выборах ли в комиссию или о ценах на овощи на римском рынке, он каждую свою речь кончал неизменной, одной и той же фразой: «А кроме того, я думаю, что *Карфаген должен быть разрушен!*» Старый политик побывал однажды в логове африканского льва, в самом Карфагене, и был так потрясен его богатством и мощью, что самое существование этого государства начал считать — и довольно справедливо — смертельной угрозой своей родине.

Над мудрым старцем сначала посмеивались, а потом все случилось, как ему хотелось: в результате страшной, кровавой борьбы Рим победил, Карфаген был стерт с лица земли, и самое место, где он стоял, запахано римскими плугами. Но прошло два тысячелетия, а мы все еще помним и повторяем назойливые слова упрямого старика; повторяем в двух случаях: когда хотим показать, что кем-нибудь овладела навязчивая идея, мания, мысль, с которой его невозможно сбить, и когда нам надо указать на действительную, постоянную и грозную опасность, до уничтожения которой немыслима нормальная жизнь.

О, святая простота! Шапки долой перед этой простой фразой! Великий борец за освобождение чешского народа Ян Гус был возведен католическим церковным собором на костер как опасный «еретик», враг истинной церкви. Стоя на костре, мученик

заметил дряхлую старушку, верующую католичку, которая, вполне уверенная, что делает благое дело, принесла на площадь казни свою охапку хвороста для костра. «О, святая простота!» — с горькой усмешкой воскликнул Гус: за счастье старой женщины он боролся, и она же, с лучшими намерениями, служила его мучителям.

С той поры эти слова применяются ко всем невежественным и темным лицам, которые, будучи обмануты своими же врагами, по недомыслию выступают против настоящих друзей.

Прославленный вождь английской буржуазной революции XVII века Оливер Кромвель был человек суровый и набожный, но обладал редким красноречием и грубоватым остроумием. Рассказывают, что в день, когда его войска готовились форсировать реку, чтобы схватиться с противником, Кромвель посоветовал солдатам перед боем «надеяться на бога, но порох держать при переправе сухим». Мудрый совет облетел сначала всю армию, потом всю Англию, а затем и весь мир.

Слова *Держать порох сухим* приобрели то более общее значение, в котором употребляем их и мы: быть готовым к борьбе, быть бдительным и хорошо вооруженным.

Люди… будьте бдительны! Эта мудрая мысль или, лучше, это суровое предостережение содержится в удивительной книге чешского писателя-коммуниста Юлиуса Фучика. Благороднейший патриот, Фучик был арестован и казнен во время второй мировой войны гитлеровской полицией, после того как фашизм получил возможность захватить и родину Фучика, и много других стран. Буквально накануне смерти этот мужественный человек в тюремной камере писал свою книгу — пламенный призыв никогда в будущем не допускать повторения страшных событий его времени. Удивительно ли, что его тревожное предостережение, стоящее в заголовке, стало лозунгом всех передовых людей мира в наши дни!

Триста с лишним лет назад представители французского дворянства, горожан и духовенства потребовали, чтобы их король

Людовик XIV изменил свою политику.

«Зачем?» — удивился и насупил брови молодой король.

«Она противоречит пользе государства», — был ответ.

И тогда самодержец пожал плечами.

«Государство — это я!» — высокомерно бросил он.

Парламент отступил перед его высочайшей волей.

Так это было или нет, однако выражение это мы повторяем всякий раз, когда хотим обрисовать человека самовлюбленного, наивно считающего себя самым главным существом в обществе.

Но вот уже в Советской стране на пятом году победы Великой Октябрьской социалистической революции В. И. Ленин сказал на съезде Коммунистической партии:

> «…когда мы говорим „государство“, то *государство это — мы,* это — пролетариат, это — авангард рабочего класса».

Так В. И. Ленин поправил заносчивого и высокомерного монарха Франции. Сама история убедительно доказала, какое из этих двух утверждений является надуманным, какое — истинным.

* * *

Мы уже убедились в том, что имеется очень много выражений, которые перешли в нашу речь от древних народов, из литературных книжных источников, из всякого рода мифов и легенд, исторических событий. Но тысячи устойчивых словосочетаний родились в крестьянском быту, вышли из речи различных мастеровых и ремесленников, купцов и торговцев. Непрестанно пополняется наш язык и выражениями, которые возникли в сфере ученых и инженеров, военных и моряков, спортсменов и певцов. И даже мошенников…

Это перечисление можно продолжать. Но не лучше ли «взять быка за рога»?

Итак, крестьянский быт:

Показать кузькину мать. Как-то раз заокеанский гость услышал в разговоре с русскими слова — «показать кузькину мать». «Что это такое?» — обратился он к своему переводчику. Тот долго ломал голову и наконец сказал: «Показать мать Кузьмы». — «А кто такой Кузьма?» Переводчик, как и мы в детские годы, объяснить происхождение этого исконно русского выражения не смог.

Слышали ли вы о хлебном жучке, которого в простонародье называют «кузькой»? Это небольшое темно-зеленое насекомое с

красно-бурыми надкрыльями, довольно безобидное на вид. Так, по крайней мере, считают те, кто близко с ним не знаком. На самом же деле кузька своей прожорливостью может легко соперничать с саранчой и считался поэтому самым страшным бичом для крестьян.

Тучами налетал он на хлебные злаки, высасывал молодые зерна ржи, овса и пшеницы и, опустошив один район, перебирался в соседний. Как с ним ни боролись — спугивали канатом, собирали руками, уничтожали его яйца и куколки, но все эти меры не приносили видимого результата. Дурная слава сделала жучка-вредителя даже героем одной не очень приятной поговорки. Пообещать кому-нибудь *Подпустить кузьку* значило: доставить неприятность, причинить вред.

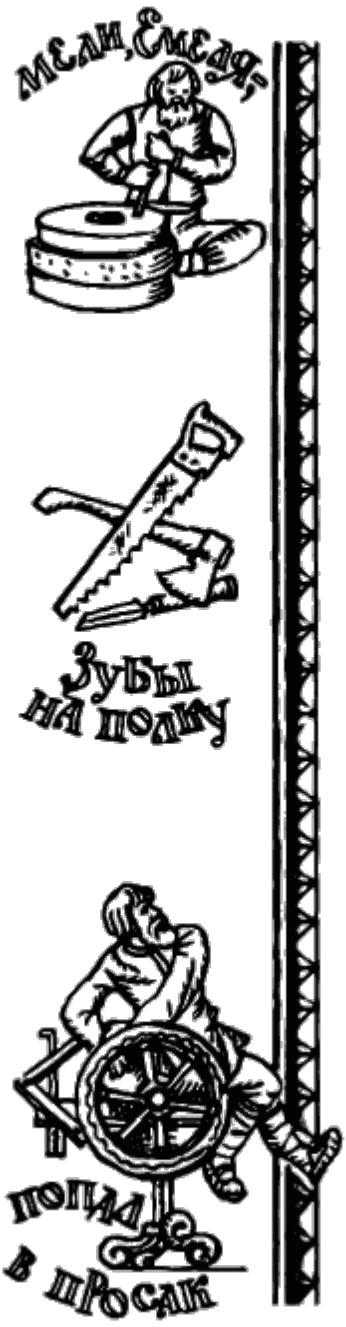
Ну, а если опасен кузька, то еще опаснее «кузькина мать». Не случайно производное от слова «мать» — «матёрый» означает: хитрый, опытный, отъявленный, полный сил.

Вот так, видимо, и возникло выражение *Показать кузькину мать* — угроза примерно наказать.

Старая Русь не могла обойтись без лыка — липовой коры. Из лыка плелись коробки, туески, а главное, основная обувь русских крестьян — лапти. Каждый крестьянин должен был уметь если не плести, то хоть «вирать» лапти, «подковыривать» их, то есть

ремонтировать. Сказать про человека, что *Он лыка не вяжет,* значило, что он либо не в своем уме, либо же пьян до предела. Именно в этом последнем смысле мы и сейчас сохранили это выражение.

Но ведь в то же время лапти, лычная обувь была верным признаком бедности, крестьянского происхождения. Вот почему *Не лыком шит* прежде означало: он не из простых, а потом стало означать: не такой уж он простак, он — себе на уме. Выражения же *Горе лыковое* или *Горе, лыком подпоясанное* являлись символом жалкой бедности.



В огромных старорусских семьях было принято, чтобы их члены чередовались понедельно на домашних работах: эту неделю Федор колет дрова, Иван таскает воду, следующую — наоборот. Так же поочередно мололи муку на домашнем жернове:

очень нелегкая работа. Болтунам же, отлынивавшим от всякого труда, говорили с насмешкой: *«Мели, Емеля: твоя неделя!»* — играя на том, что выражение «языком молоть» комически сопоставлялось тут именно с представлением о самой тяжелой работе на жернове.

Вот привел я два выражения и подумал: а нужно ли каждый раз подсказывать, где, в какой сфере, в каком кругу людей родилось то или иное сочетание слов? Не лучше ли обойтись без «шпаргалки»? Кое-где такое указание необходимо, а там, где его нет, додумаетесь сами.

Смысл старинной поговорки *Зубы на полку положить* ясен: из-за отсутствия материальных средств ограничивать себя в самом необходимом, перейти на полуголодное существование.

Но идет ли здесь речь о наших зубах, собственных или искусственных, которым за ненадобностью поговорка отводит место на полке? Совсем нет. Вспомните, что зубы, или зубья, имеют также пила, грабли, вилы, гребенка — кстати сказать, необходимая принадлежность каждой пряхи. Есть работа — кусок хлеба обеспечен, нет — клади зубы на полку и голодай.

Выражение *Под орех разделать* означает сейчас в нашем языке: «разругать окончательно» (иногда даже «зверски избить»). А возникло оно в среде столяров: им нередко приходилось «разделывать» обычные, из простой березы выполненные поделки, раскрашивая их так, чтобы они выглядели «под орех», «под дуб», «под красное дерево».

Можно без конца ломать голову над словосочетанием *Попасть впросак* и, если не знаешь истории ремесел в старые времена, ничего не понять. А ведь означает оно нечто очень простое: попасть в глупое положение, проморгать опасность.

Просак — станок, на котором в старину вили веревки и канаты. Попасть в такой станок на его ходу было досадно, если он вырабатывал тонкие веревки, и, возможно, довольно опасно там, где изготовлялись толстые канаты. При работе на просаке рекомендовалось держать ухо востро. Это отлично разъясняет происхождение нашей по говорки.

Выражение *Сбоку припека* часто искажают, произнося *С боку-припеку*. На самом деле его можно было бы передать и словами: «боковая припека».

Припека, или припек, у пекарей — пригоревшие кусочки теста, прилипающие снаружи к разным хлебным изделиям, то есть нечто ненужное, излишнее. Именно в таком значении слова эти вошли и в общий язык и понимаются в нем как все случайное, постороннее, приставшее к чему-либо извне.

Что такое пилюля, каждый знает: скатанный из

лекарственного вещества маленький шарик (это латинское слово и означает «шарик»). Но вряд ли кто-либо из вас видел когда-нибудь «золоченые» пилюли.

Лекарства, принимаемые в пилюлях, далеко не всегда приятны на вкус. Поэтому в старину аптекари иной раз покрывали их сладким веществом красивого золотистого цвета, имея в виду пленить этим главным образом малых детей. Становясь привлекательней на вид, пилюли отнюдь не теряли горечи.

Отсюда пошло немало насмешливых образов: *Позолотить пилюлю* — расписать привлекательность или безобидность чего-нибудь неприятного; *Подсластить пилюлю* — сдобрить дурную весть сладкими словами; *Проглотить пилюлю* — значит испытать неприятность, иногда — услышать горькую истину; *Поднести пилюлю* — доставить внезапное огорчение другому лицу, высказать вдруг нечто неприятное и ядовитое.

Зеленая улица. Это сочетание слов великолепно показывает, как быстро и сильно меняется наш язык. Лет сто назад оно вызывало у всех дрожь ужаса: «зеленой улицей» называли тогда две шеренги солдат, каждый из которых был вооружен зеленой палкой — точнее, гибким прутом, «шпицрутеном». По такой «улице» прогоняли или протаскивали несчастных осужденных. На них с обеих сторон сыпались жестокие удары и нередко в конце этой страшной «улицы» человек умирал. Каждый, кому сказали бы в те дни: «Тебе уготована „зеленая улица“», содрогнулся бы от ужаса.

А когда в наши дни железнодорожному машинисту обещают: «Мы тебе дадим зеленую улицу», он понимает это как непрерывную цепь зеленых семафорных огней перед идущим поездом, возможность мчаться вперед без всякой задержки. В широком переносном значении *Зеленая улица* сейчас — прямая, свободная, широкая дорога.

В царской России повсюду в людных местах собирались толпы нищих, калек, слепцов с поводырями, выпрашивавших со всевозможными жалкими причитаниями милостыню у прохожих. Просящие милостыню особенно часто при этом распевали сочиненную по одному евангельскому рассказу песню «О богатом и Лазаре». Лазарь был беден, а его брат — богат. Лазарь питался остатками пищи богача, вместе с собаками, но после смерти попал в рай, тогда как богач оказался в аду. Песня эта должна была устрашить и усовестить тех, у кого нищие выпрашивали деньги.

Так как далеко не все попрошайки в действительности были такими уж несчастными и нередко жалобные стоны их являлись

притворством, выражение *Лазаря петь* стало означать: клянчить, ныть, преувеличенно жаловаться на судьбу, стараясь вызвать сочувствие окружающих.

Теперь каждая мера длины, веса в культурных странах всегда имеет одну, установленную законом величину: повсюду есть особые учреждения, которые следят за точностью сантиметровых линеек, гирь, применяемых при взвешивании, и других мер.

Не так было раньше.

На Руси издавна была принята восточная мера — «аршин» (слово «арш» по-персидски значит «локоть»). Однако очень долго никто не знал, чему же в точности должен быть равен этот «аршин» и с чем его надо сравнивать.

Выделывали аршины кустари по деревням и, понятно, ни за какой особенной точностью не гнались. Поэтому каждый человек, продавая или покупая что-нибудь, остерегался пользоваться незнакомым аршином, а всячески рекомендовал «свой аршин». Наоборот, купцы, нередко ловко подменявшие аршины, когда переходили от покупки к продаже и обратно, имели тайный запас их — и подлиннее и покороче — и сердито возражали, когда покупатель вытаскивал для проверки «свой аршин». Теперь вся эта путаница мер давно забыта, но слова *На свой аршин мерить* еще звучат и означают: судить со своей точки зрения, оценивать по собственному вкусу, а не так, как принято.

Сравните выражения «мерить на свой аршин» и «измерять собственным метром», и вы сразу поймете, какова разница между словосочетаниями и обычными сочетаниями слов, употребляемых в их прямом значении.

Иной раз про кого-либо говорят: «Он оказался в положении

Буриданова осла». Что это означает? Чем осел Буридана отличается от своих собратьев? Кто такой Буридан?

Философы позднего средневековья выдвинули теорию, по которой поступки живых существ зависят не от их собственной воли, а исключительно от внешних причин. Ученый Буридан (точнее, Бюридан), живший во Франции в XIV веке, подтверждал эту мысль таким примером. Возьмем голодного осла и положим по обе стороны от его морды, на совершенно равных расстояниях, две одинаковые охапки сена. У осла не окажется никакого основания предпочесть одну из них другой: ведь они в точности одинаковые. Он не сможет потянуться ни к правой, ни к левой и в конце концов умрет с голоду. Неизвестно, пробовали ли несогласные с Буриданом произвести такой опыт и проверить его теорию, но только с того времени людей нерешительных, подолгу колеблющихся, прежде чем остановиться на одном решении, нередко зовут *Буридановыми ослами.*

Слова *Цепная реакция* придуманы учеными для обозначения последовательного ряда чередующихся химических реакций.

А позже, с зарождением и развитием новой науки — ядерной физики, появился еще один термин — «цепная ядерная реакция». Им стали называть «самоподдерживающийся процесс деления» атомных ядер.

Возможно, и не вышло бы это выражение из рамок строго научного языка, не используй его журналисты в поисках образного сравнения для своих нужд. Сейчас трудно сказать с достоверностью, кто первым и когда использовал его на страницах печати. Но факт, что выражение *Цепная реакция* получило расширительный смысл: непрекращающийся, вовлекающий в свою сферу какой-либо процесс.

Каждый видит, что звезды на небе светят неодинаково: одни кажутся крупными, яркими, другие чуть поблескивают.

Еще в глубокой древности астрономы разделили звезды, видимые простым глазом, на шесть разрядов, или величин: от самых ярких — «первой величины», до самых слабых — «шестой величины».

После изобретения мощных телескопов шкалу пришлось пересмотреть. Но в народе сохранилась память о старой звездной таблице. И когда мы говорим о ком-нибудь: «Ну, это *звезда первой величины»,* это означает: «Он несравненный специалист, выдающийся мастер, крупнейший человек в своей области».

Механики под «мертвой точкой» разумеют такое положение частей машины, при котором она как бы застывает на миг в неподвижности: силы, действующие с противоположных сторон, уравновешиваются. Чтобы не произошло остановки, применяют

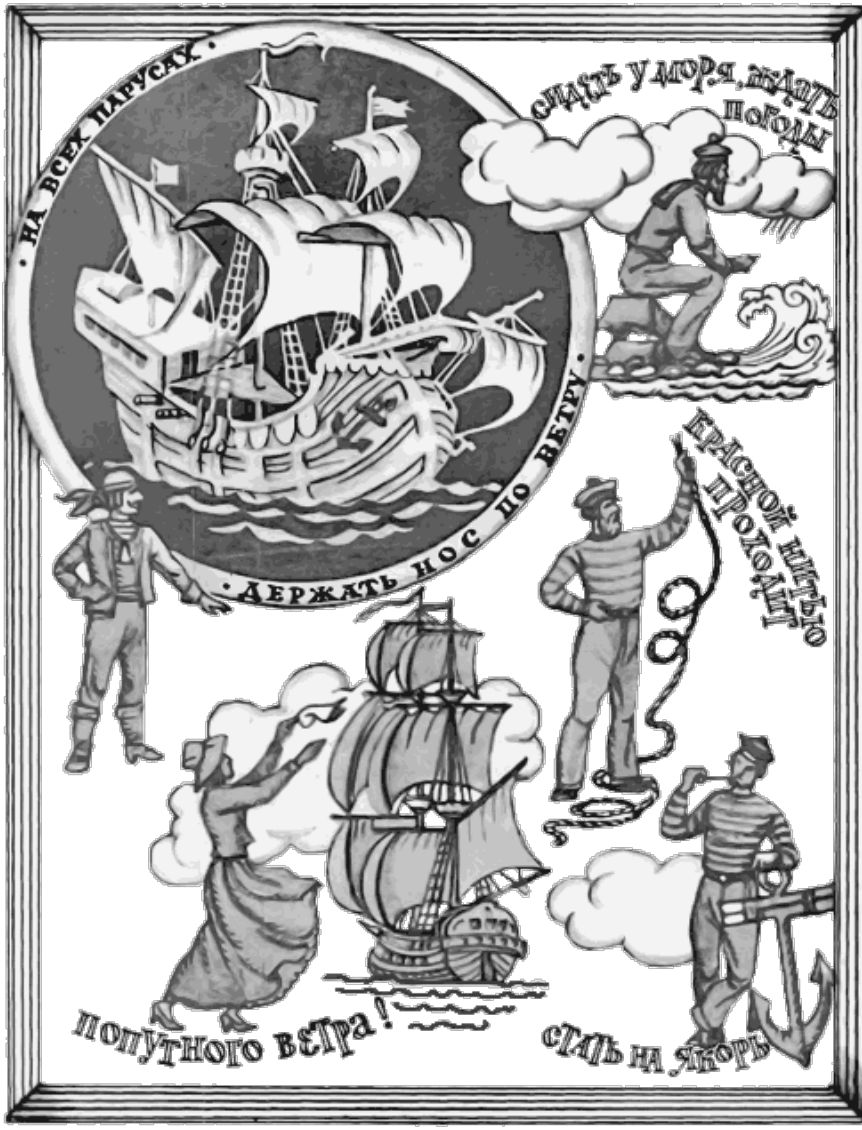
тяжелые «маховые колеса»; продолжая вертеться по инерции, они сдвигают механизмы с «мертвой точки».

В переносном смысле *Мертвая точка* — положение застоя, бездеятельности. *Сдвинуть с мертвой точки* — придать чему-либо подвижность, стронуть с места, преодолеть застой.

Слово «сапер», разумеется, вам известно. У нас оно взято из французского языка и буквально означает: «тот, кто занимается сапой». Возникает новый вопрос: что такое «сапа»?

Из области французского языка переселимся во владения итальянского. В Италии «цаппа» — заступ, лопата для земляной работы. Заимствованное отсюда во французский язык, слово это превратилось во французское «сап» и получило значение «земляные, окопные и подкопные работы», а из него выросло слово «сапер».

У нас в военный язык тоже проник термин «сапа», и появилось выражение «тихая сапа» — земляные работы, которые ведутся с особой осторожностью, без шума, с тем чтобы подобраться к противнику незаметно, в полной тайне. Выражение *Тихой сапой* широко распространилось и в общем языке. Там оно получило значение: осторожно, в глубокой тайне, исподволь. Применяют его только к какой-либо предосудительной деятельности — всяким интригам, козням и «подкопам».



Во времена парусного флота плавание по морю всецело зависело от погоды, от направления ветра. Штиль, безветрие — и паруса никли, напоминая тряпку. Дул противный, в нос корабля, ветер, и приходилось думать уже не о плавании, а о том, чтобы бросить все якоря — стать на якорь — и убрать паруса, чтобы не дать воздушному потоку выбросить судно на берег. Для выхода в море нужен был попутный ветер, надувающий паруса и направляющий судно вперед. Связанная с этим морская лексика приобрела образность и вошла в литературный язык. Теперь *Держать нос по ветру* — значит, в переносном смысле, приспосабливаться к обстоятельствам. *Стать на якорь* — осесть

где-нибудь, остановиться в движении. *Сидеть у моря и ждать погоды* — бездействовать в ожидании перемен. *На всех парусах* — двигаться к какой-либо цели полным ходом, быстро как только можно. А пожелать кому-либо *Попутного ветра* — значит пожелать удачи.

Когда какая-нибудь одна мысль или одно настроение все время слышится в речи оратора, чувствуется в литературном произведении, вновь и вновь возникает в деятельности человека, говорят: «Это у него всегда *красной нитью проходит».* Почему именно «красной», а не белой или синей? Откуда взялся этот образ?

Оказывается, он вошел в речь нескольких народов из языка английских моряков конца XVIII века. С 1776 года по приказу адмиралтейства во все канаты английского военного флота на фабриках начали вплетать во всю длину одну нить — красную. Теперь, какой бы малый кусок от каната ни был отрезан, всегда можно было узнать: он флотский. Вот отсюда и пошло обыкновение говорить о красной нити — как о чем-то в мысли, идее, теме, отчетливо выделяющемся от начала и до конца.

Когда бегун-спортсмен упражняется в беге, рано или поздно он устает. Если дистанция длинная, усталость становится нестерпимой: ноги отказываются бежать, сердце рвется из грудной клетки и, самое главное, человеку не хватает дыхания. Остановиться?

Неопытный останавливается, мастер спорта продолжает бег через силу. И — о чудо! — спустя несколько секунд усталость проходит, грудь снова дышит легко, силы восстанавливаются: пришло *второе дыхание.*

Лет двадцать назад это выражение употребляли только бегуны-стайеры: оно оставалось их профессиональным термином. Сегодня выражение это звучит в языке людей любых специальностей. О втором дыхании говорят ученые, утомленные работой, хотя за столом в лаборатории им не приходится задыхаться; говорят поэты, вернувшиеся к работе и успехам после провалов, неудач… *Второе дыхание* теперь значит у нас: новый прилив сил. «Он *обрел второе дыхание»,* — говорят сегодня о любом человеке, поборовшем упадок сил и утомление. Термин превратился в образное выражение, вошел в нашу речь.

Вот еще случай, сходный с историей выражения «второе дыхание». Немецкий шахматный термин «цейтнот» — недостаток времени при игре — тоже перестал у нас служить только шахматистам. Теперь можно услышать, как это слово, а чаще выражение *Попасть в цейтнот* употребляет и инженер на заводе,

и механик, и директор магазина. Даже ваша мама, запоздав с обедом, может сказать отцу: «Понимаешь, я в такой цейтнот попала…»

Опять — и не так давно — родилось образное выражение: ведь мама ваша не шахматист.

Эстафету принять (передать, донести). Прямое значение всех этих выражений вам, безусловно, понятно.

А вот происхождение слова «эстафета» не всем известно, да и в переносном смысле не каждый поймет, что значат эти слова.

«Эстафета» — французская переделка итальянского «стафетта» — «гонец». Название это произошло от слова «стаф-фа» — «стремя». Некогда срочные письма посылались особыми конными нарочными; по дороге они передавали друг другу срочный пакет, едва успев соприкоснуться стременами при встрече на скаку.

Теперь мы также называем «эстафетным бегом» состязание с передачей на бегу «эстафеты» — палочки, заменяющей письмо. В общежитии же все чаще начинают говорить об «эстафете истории», «эстафете прогресса», подразумевая под этим, что поколение поколению, народ народу могут, не прекращая общего движения вперед, передавать свои задачи, знания, опыт для дальнейшей работы.

Обычно принято относить выражение *Без дураков* к «бильярдному языку». В некоторых разновидностях игры в бильярд требовалось положить в лузы определенное количество шаров. Засчитывались и шары, случайно вкатившиеся в лузы. Такие шары назывались *дураками.* Некоторые игроки предпочитали такие шары не засчитывать, играли «без дураков». Выражение вошло в общий язык.

Однако такое словосочетание первоначально родилось еще во времена московских царей. Когда в царских палатах собирались родовитые бояре «думать государеву думу», принимать серьезные

решения, такие заседания проходили, так сказать «при закрытых дверях», без дураков. Теперь, если вспомнить, что в обычаях феодальной аристократии было держать при себе шутов и шутих — «дураков», которые ее развлекали, становится понятным выражение. *Без дураков* значит: «без шутов», то есть со всей серьезностью, без шуток.

Вспомните гордые слова, которые М. В. Ломоносов сказал всемогущему придворному И. И. Шувалову:

> «Не токмо (только) у стола знатных господ или у каких земных владетелей дураком быть не хочу, но ниже (даже) у самого господа бога…»

Если вы будете просить сохранить в глубокой тайне то, что уже предано огласке, вам могут сказать: «Да ведь это секрет Полишинеля».

Кто же такой Полишинель? Это постоянно действующее лицо многих веселых французских пьес, «младший брат» такого же задорного, жизнерадостного героя итальянского театра Пульчинеллы. Но это не все. Подобно русскому Петрушке и чешскому Кашпареку, итальянский Пульчинелла и французский Полишинель были еще и куклами, неизменными главными героями кукольных комедий.

Полишинель часто смешил публику, сообщая «всему свету по секрету» то, о чем уже знали все остальные герои пьесы. Отсюда *Секрет Полишинеля* — то, что уже давным-давно всем известно.

Первую скрипку играть — это то же, что «быть запевалой», «играть первую роль». Так мы говорим про людей, явно главенствующих, руководящих другими. Понятно, почему это так: в оркестрах бывают всегда не одна, а несколько скрипок — «прима», или «первая скрипка», «вторая», «альт» и т. д. Из них первые скрипки всегда считаются ведущими; остальные инструменты в какой-то степени следуют за ними и равняются по ним.

Сурдинка — небольшое приспособление, при помощи которого можно ослабить, приглушить звук того или другого музыкального инструмента. Слово это происходит от латинского «сурдус» — «глухой». Играть под сурдиной и значит — пользоваться таким приспособлением. В общей речи словосочетание *Под сурдинку* применяется в смысле: украдкой, втихомолку, не привлекая к себе внимания.

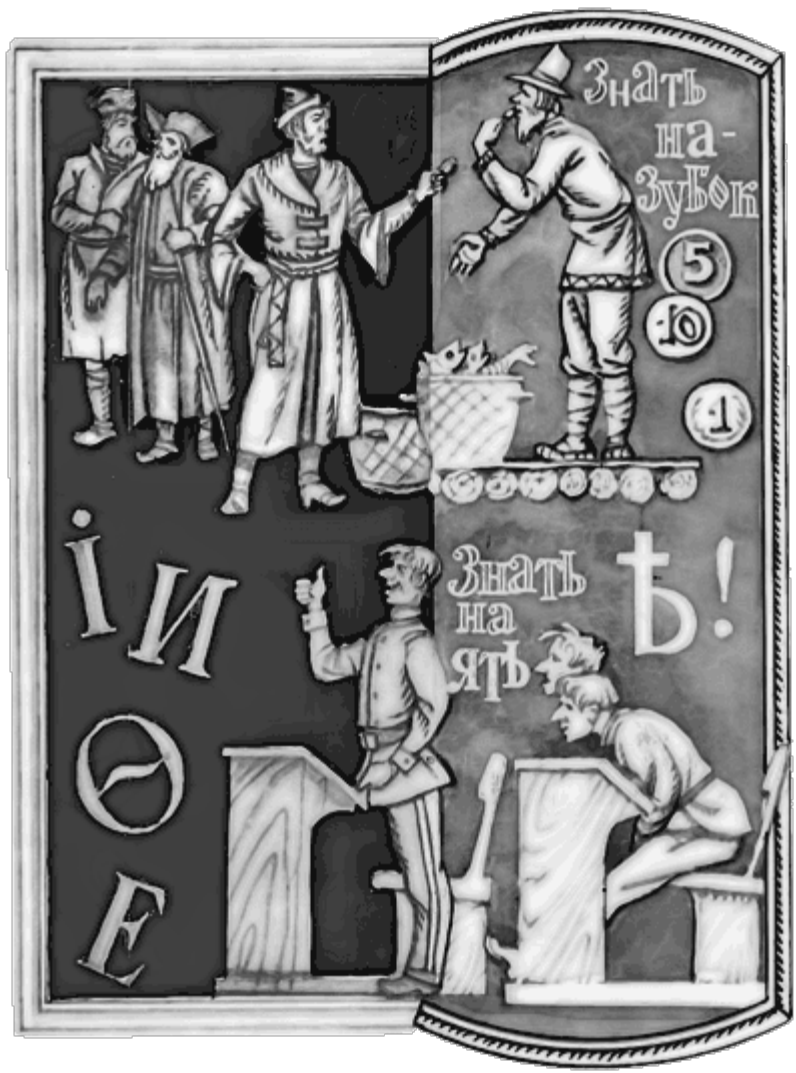
Обычно, когда поет хор, пение ведется на несколько «голосов»: одни певцы тянут одну, другие — другую ноту, которые сливаются в гармоническое созвучие. Но бывает — все поющие издают звуки одинаковой высоты. Это называется *Петь в унисон;* по-латыни «унус» — «один», а «сонус» — «звук». Таково буквально значение этого музыкального термина. В переносном же значении мы употребляем его, когда хотим сказать о полнейшем согласии между несколькими людьми, действующими заодно. Недаром про таких людей говорят и так: *Они спелись.*

Вы тысячу раз слышали выражение *Втирать очки,* означающее «надувать», «обманывать». Очень возможно, вы задумывались: как так «очки втирать», во что и зачем? Очень нелепо выглядела бы такая картина.

Нелепость происходит потому, что, по вашему мнению, речь

тут идет о тех очках, которые служат для исправления слабого зрения. Но ведь есть другое слово «очки», оно означает красные и черные знаки на игральных картах.

Нечестные игроки, чтобы обмануть других, пускались на всякие фокусы. Умели они, между прочим, незаметно «втереть очки», превратить шестерку в семерку или в восьмерку, вклеивая нужные очки особым липким белым порошком. Понятно, что *Втирать очки* стало означать «обжуливать» и что затем отсюда родилось особое слово «очковтирательство», «очковтиратель» — ловкач, который умеет приукрасить свою работу, плохое выдать за хорошее.



Какой смысл вкладывается в слова *Назубок знать,* вам, ребята, известно не хуже взрослых.

«Знать назубок» — значит, например, превосходно выучить стихотворение, затвердить роль, вообще отлично в чем-либо разбираться.

А было время, когда «знать назубок», «проверить на зубок» понималось почти буквально: поговорка возникла от обычая проверять подлинность золотых монет, колец и других изделий из благородного металла. Прикусишь монету зубами, и если не осталось на ней вмятины, — значит, подлинная, не поддельная. А то ведь могла попасться фальшивая: внутри полая или залитая дешевым металлом.

Ну, а это выражение — *Знать на ять* — возникло в стенах гимназии, и не от хорошей жизни.

> «Если бы от меня зависело, я бы упразднил и ять, и фиту (дурацкая буква), и ижицу, и „і“. Эти буквы мешают только школьному делу… и составляют совершенно излишнее украшение нашей грамматики».

Так писал на рубеже столетий А. П. Чехов в одном из своих писем.

Но злополучный «ять» сохранился до 1918 года, и школьникам приходилось с трудом механически изучать «правила на ять»; ведь «ять» и «е» произносились совершенно одинаково. Заметьте при этом, что «ошибки на ять» считались самыми страшными: за одну такую ошибку в старших классах ученика безжалостно проваливали на экзаменах.

Удивительно ли, что *Знать на ять* стало выражением наилучших познаний? Более удивительно, что эти слова мы произносим и сейчас, через шестьдесят лет после упразднения бессмысленной буквы. Но такова уже сила привычки, инерции в языке.

* * *

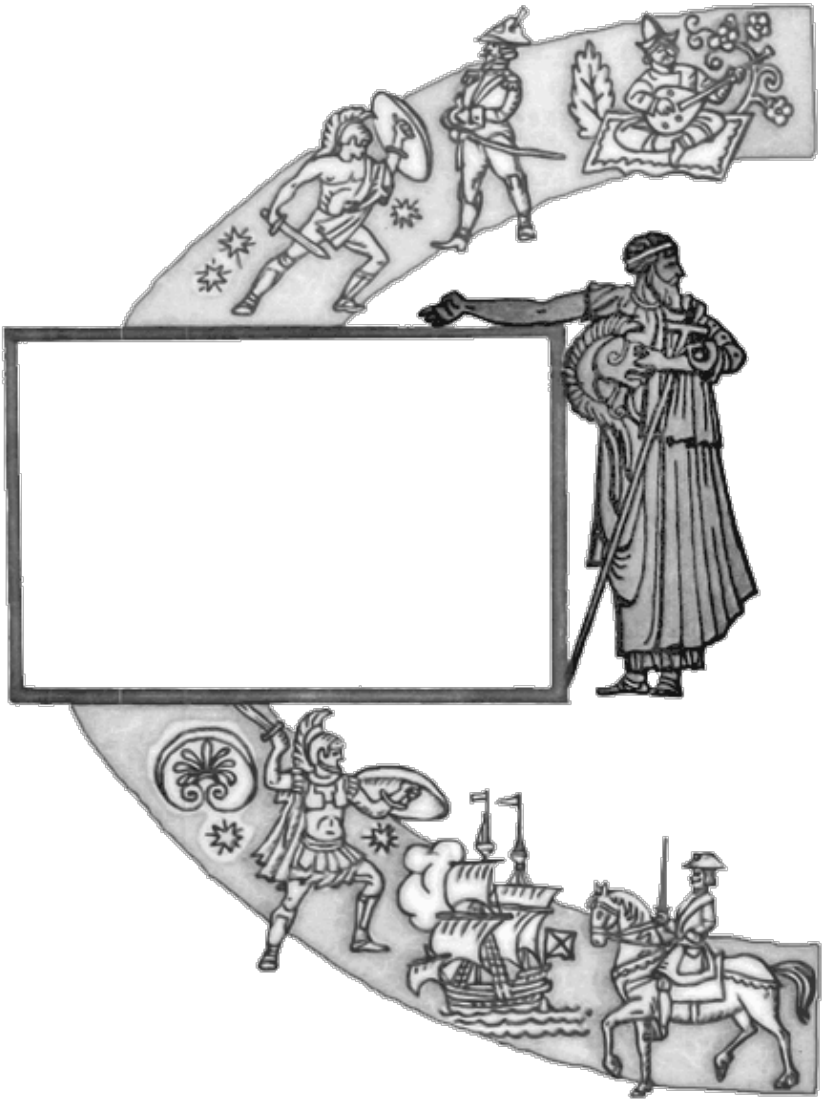
Меткие, образные слова и выражения, с которыми я вас сейчас познакомил, — это капля в море фразеологизмов. Мы пользуемся ими в нашей повседневной речи, прибегаем к ним, когда хотим высказать нашу мысль более красочно, ярко, сослаться на похожую ситуацию, которая сложилась в давние времена или была придумана людьми.

Один умный человек назвал образные выражения «мудростью в портативной форме». Другой заметил: «Мудростью нужно уметь пользоваться». Знать, что говорить, знать, когда что сказать. Чтобы не очутиться в положении оруженосца знатного идальго Дон-Кихота. Рыцарь Печального Образа так однажды наставлял Санчо Пансу:

— Оставь привычку вставлять в свою речь уйму пословиц, ибо хотя пословицы есть краткие изречения, однако же ты в большинстве случаев притягиваешь их за волосы, а потому в твоих устах они представляются уже не изречениями, а просто-напросто бреднями…

Еще раз. Уж если полез за словом в карман мудрых людей — делай это с умом. Слово — ранит. Слово — исцеляет. Словом можно обласкать, можно разобидеть.

Думайте, думайте, думайте, прежде чем произнести эти меткие, емкие, двусмысленные, эти мудреные слова…



notes

Примечания

Разрядка моя. — *Э. В.)*

2

Так называли Сухаревский рынок, уже давно исчезнувший